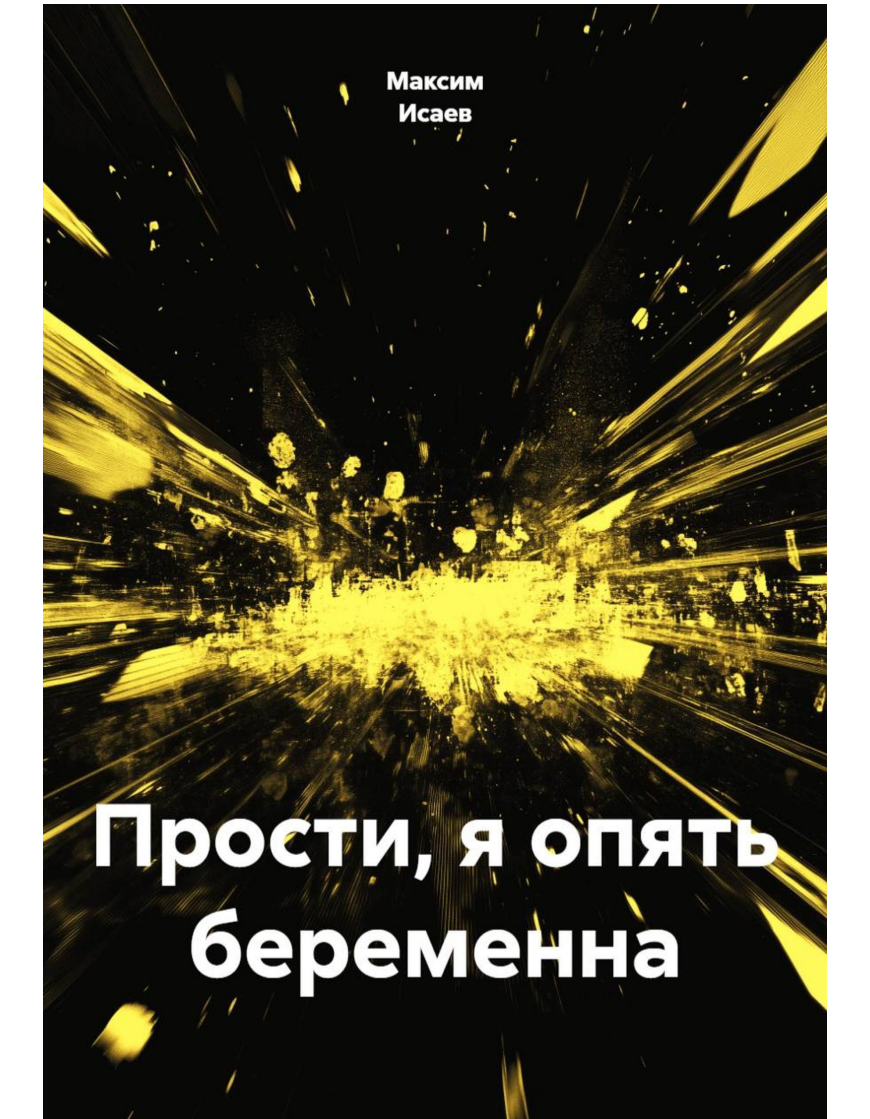

Максим
Исаев

Прости, я опять беременна

Максим Исаев

Прости, я опять беременна

<https://litres.ru/74669407>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я на всю жизнь запомнил тот день, когда небо упало на Землю и бабы наши вмиг сошли с ума. Вместо с небом на Землю, прямо на наши головы, упал и он, Альберт Албазов – метеорит, кусок другой планеты, инородное существо, доселе невиданное в наших краях. Когда Альберт впервые появился на пороге нашего конструкторского бюро, даже замужние дамы всего нашего отдела вдруг стали косоглазыми манекенами, застывшими на витринах магазинов, не говоря уже о холостых разбойницах, охотницах за рыцарями, принцами на белом коне; они вдруг вспомнили, что есть в городе салоны красоты, магазин импортной парфюмерии и бутики модной одежды.

Вчерашний выпускник престижного Московского института был высок как капитан баскетбольной команды Жальгирис, строен как Ален Делон, улыбчив и красив как первый космонавт Земли Юрий Гагарин, умён, как позже выяснилось, как разведчик Штирлиц – Максим Максимыч Исаев.

Максим Исаев

Прости, я опять беременна

Максим Исаев

(Исаев Магомедшапи Исаевич)

isaevshapi@gmail.com

Прости, я опять беременна

Рассказ.

Я на всю жизнь запомнил тот день, когда небо упало на Землю и бабы наши вмиг сошли с ума. Вместо с небом на Землю, прямо на наши головы, упал и он, Альберт Албазов – метеорит, кусок другой планеты, инородное существо, доселе невиданное в наших краях. Когда Альберт впервые появился на пороге нашего конструкторского бюро, даже замуженные дамы всего нашего отдела вдруг стали косоглазыми манекенами, застывшими на витринах магазинов, не говоря уже о холостых разбойницах, охотницах за рыцарями, принцами на белом коне, которые вдруг вспомнили, что есть в городе салоны красоты, магазин импортной парфюмерии и бутики модной одежды. Вчерашний выпускник престижного Московского института был высок как капитан баскетбольной команды Жальгирис, строен как Ален Делон, улыб-

чив и красив как первый космонавт Земли Юрий Гагарин, умён, как позже выяснилось, как разведчик Штирлиц – Максим Максимыч Исаев. Узнав об этой печальной для себя вести, древнегреческий предводитель и покровитель муз, бог Аполлон – олицетворение мужской красоты всех времён и народов впервые за тысячелетие устроил вторые свои похороны в гробу и кости его долго и безутешно плакали в голос от обиды.

Обычно спокойный до пофигизма, равнодушный ко всему, что не относится к работе, начальник нашего конструкторского бюро Иван Кузьмич в первую же неделю потерял ориентацию во времени и в пространстве из-за нахлынувшего обилия ароматов женских духов и каблуков, проложивших стратегическую дорогу мимо себя, и ведущую прямо к рабочему месту Аполлона нашего бюро и пересадил Албазова за новый кульман прямо перед собой и в одном квадратном метре со мной.

– Алмазов, а ну-ка иди сюда! – почти криком позвал молодого ловеласа начальник бюро через лопнувшее терпение. Было видно, что находился начальник под воздействием критической массы терпения и в состоянии непонимания, подспудной ревности, но в большей степени зависти, смешанной ещё и с жалостью о слишком правильной и однообразной и уже почти ушедшей своей жизни.

– Слушаю Вас, Иван Кузьмич. Только я не Алмазов, а Албазов.

– Это что за делегации к тебе шёлковый путь проложили тут, Алмазов?

– Я их не звал. Албазов я.

– А чего они... как пчёлы? Ты что, мёдом, что ли намазан?

– Я не виноват. Я не звал.

– Откуда они? Я тридцать лет работаю на заводе, но ни одну из этих пчёл – медоносов не видел.

– Не знаю. Не спрашивал.

– А они что спрашивают?

– Спрашивают, что я делаю сегодня вечером.

– А ты?

– Я говорю, что занят, что готовлюсь поступать в аспирантуру.

– А ты точно готовишься?

– Точно готовлюсь, Иван Кузьмич.

– Я понял. Я всё понял. Это правильно ты делаешь, Алмазов. Молодец. И я помогу тебе. А ну-ка возьми свои манатки и перейди сюда, встань за мой кульман. Будешь на глазах у меня. Будешь рядом с Исаевым. Он тоже вот молодой. И тоже на цепи у меня. В ошейнике.

Так мы стали с Альбертом соседями по рабочим местам, заселились в одну каюту в нашем большущем общежитии, похожем на океанский лайнер, и со временем подружились так, что стали доверять самые сокровенные секреты друг другу. Впрочем, какие могут быть секреты у мужчин друг от друга: что в мозгах, то тут же на языке у нас, у мужчин.

Секреты у нас могут быть только от противоположного пола, и настоящий мужик ни под какими самыми страшными пытками, ни под угрозой расстрела никогда не выдаст наши мужские тайны своей самой любимой даме, жене, сестре, и даже матери! Выдать мужскую тайны противоположному полу, – это расстрельная статья! Проверено временем и многочисленными допросами!

Начальник нашего конструкторского бюро, наш любимый и всеми нами уважаемый Иван Кузьмич был своеобразной, забавной и уникальной личностью не только в нашем конструкторском отделе, но и в масштабах всего завода: живая энциклопедия, гений, который наизусть помнит все номера всех ГОСТов Советского Союза, цифры и числа, маркировки сотен, тысяч разновидностей стали, других конструкционных материалов; он постоянно читал технические журналы на английском и немецком языках, и как губка впитывал всю информацию; но не помнил имена своих сотрудников, – только фамилии; не помнил, что вчера ел, и когда день рождения своей жены, детей и даже маленькой внучки Саша, которой недавно исполнилось четыре года. Фамилию Альберта он тоже не мог запомнить долгое время. Возникало ощущение, будто разговаривая с ним Иван Кузьмич всё ещё не успевал оторвать свои мозги от проекта, лежащего у него на столе, и пользовался только небольшой частью мозга для посторонних, не касающихся его непосредственной работы разговоров. Со временем всё-таки запомнил он, что фами-

лия Альберта всё-таки не Алмазов, а Албазов, о чём он как-то спросил:

– Слушай, Албазов, фамилия у тебя какая-то странная... Ну, не русская, что ли... Откуда она?

– От предков, – изрёк Альберт, оставаясь как всегда спокойным и уверенным, даже с некоторым, как могло показаться, нахальством, хотя, и я позже в этом убеждался не раз, никакого нахальства в нём не было, потому что он всегда оставался в состоянии уверенного спокойствия даже, казалось бы, критических ситуациях.

– Ну, это понятно. У нас тоже не от внуков фамилии-то! А предки где жили?

– В Сибири. Я сибиряк коренной. И предки сибиряки. А там, далеко, дальние предки, бог его знает, откуда! История молчит об этом.

– Ну да. Ну да. Бог может и знает... А тема диплома какая у тебя была?

– Гидромеханическая коробка передач.

– Ну, это серьёзно. Очень серьёзно. И как? Защитил как?

– На отлично, Иван Кузьмич.

– И что, это возможно было, имея такой шёлковый путь? Бабы не мешали?

– Я справляюсь, Иван Кузьмич. Научился уже.

– Ну-ну... Ладно, Албазов, иди, работай.

С того дня, как Иван Кузьмич посадил Албазова на короткий поводок, шёлковый путь, проложенный дамами прямо

к сердцу нашего эпического красавца Альберта, постепенно стал зарастать бурьяном и под суровым взглядом Ивана Кузьмича со временем сошёл на нет. На улице по пути домой тоже не могли лететь стрелы Амура в сторону его сердца, тут уже я охранял его как адъютант его Превосходительства, и провожал почти всегда до самой своей кельи. Диверсионная же группа женского батальона тут же изменила тактику боя и перешла в осаду нашего жилища в холостяцком общежитии, с кратковременными попытками атаковать стратегический объект: то пару ложек сахара придут просить, то у них внезапно закончилась соль, а то и сало им привезли из деревни, и дамы легкомысленного вида считают непременно своим долгом угостить нас с Альбертом этим самым деликатесом; и каждый раз девочки ищут причину хоть на пару минут задержаться в нашей комнате в ожидании возможного предложения сходить с ними в кино на последний сеанс, а то и на дискотеку, рвущую воздух по вечерам в парке отдыха неподалёку от нас. Мне иногда становилось даже обидно, что все это девичье созвездие окучиваются и путаются под ногами только у Алика, а меня даже левым глазом не замечают, смотрят мимо моих мощей, будто меня вовсе и нет, а я вот он, рядом стою или сижу, и даже пытаюсь улыбаться, чтобы не выдать гнев всей моей крови. Пытался ревновать, но не получилось, не умею я ревновать. Мой горский гордый характер и кавказское воспитание не позволяют мне это сделать. Как-то раз пытался даже прочитать стихи Лермонтова,

но они, всесезонные бабочки, сидели в глазах Алика и молчали. Даже стихи не могли отвлечь их от основной, главной мысли, – как бы взять в плен душу и тело Альберта. Отвлечь их умными вопросами тоже не получалось. По любому моему вопросу они скользили по мне равнодушными взглядами и тут же забывали не только предмет вопроса, но и меня самого. Предметом их возжелания по-прежнему оставался Альберт Албазов.

– Послушай, Алик, как ты вообще учился при таком нашествии саранчи женского пола? Тем более в Москве, где нравы далеко не девственные? – спросил его я как-то.

– Я не дружил со столичными девочками. Высокомерные они, заносчивые, а я из провинции, – ответил благовоспитанный сибирский парень и продолжил, – У меня была девушка, ещё со школы дружили, приезжала ко мне несколько раз в Москву, но... Расстались. Ревновала сильно...

– Ещё бы, такого Аполлона не ревновать! С тобой же пройти невозможно по улице! Даже я, мужчина, спотыкаюсь на улице от взглядов сотни баб.

– Ну вот и не дождалась моя подруга. Вышла замуж.

– И что, в столице ни гу-гу с бабами?

– Ну, не совсем. Были эпизодические роли донжуана.

– Кратковременная любовь на всю оставшуюся ночь?

– Вроде того. Но не более того. Мама очень просила не жениться в Москве, чтобы совсем не потеряться, и я обещал. Мама очень хочет, чтобы я вернулся домой, в Сибирь.

– Эх, ты, Мамин-Сибиряк! И сколько же ты будешь жертвовать собой ради любви матери? Эгоизм матери мне понятен, но ты же живёшь своей жизнью!

– Мои родители простые люди. Работают на заводе. На Челябинском тракторном. Я один у них ребёнок. Не хочется их обижать. Они хотят, чтобы внуки были рядом.

– Ну, держись тогда, Алик. Крепко держись. У нас тут, в Белоруссии, девочки слишком сладкие, слишком красивые, заразные до любви, смотри, отравят они твои мозги, и всё! Влюбишься по уши! Смертельно! Так что, осторожно с ними. Держись, раз обещал матери.

Держаться дольше, чем летящая в воздухе стрела амура, не получилось. Влип Алик наш в любовную историю с трагическими, ну, почти трагическими последствиями.

Первый раз я увидел её через неделю после того, как Алик почти перестал со мной разговаривать на работе, а вечерами в общежитии и след его простыл так, что собаки не унюхают. Я тактично молчал тоже, чтобы не спугнуть, подозревал, ядовитые мысли о любви и крах обещаниям, данным своей матери, возникшие в голове Алика. Её звали западноевропейским именем Виолетта, Виола, что в переводе означает, кажется, какой-то там цветок. Она и в самом деле была как распушенный на всю и пахнувший, ухоженный цветок из элитных сортов. Сказать, что она была красива, не сказать ничего. Она была ослепительно красива! Что глаза, что волосы, что руки... Фигура – будто художник в поте лица тру-

дился над ней целый век! На этой фигуре, на этих линиях её плеч и талии, сидела со вкусом подобранное платье как оправка для бриллианта. Для описания её улыбки я вообще не могу подобрать подходящий эпитет, потому как его нет в принципе. Могу только сказать, что, когда она представилась и с улыбкой протянула мне руку, я рухнул в старый стул, и забыл о том, что я когда-то умел разговаривать.

– Алик, ты с какой планеты только что прилетел? Это далеко? Сориентируй друга! Билет туда трудно достать? Где они продаются? – выскочила из меня какая-то нелепица, совершенно не подчиняясь моей воле.

Мой друг слегка улыбнулся, достал бутылку красного вина, каких-то фруктов и мы сели за стол для приятного общения в пользу дальнейшего знакомства. В ходе же приятного общения выяснилось, что эта далёкая планета находится всего в сорока километрах от нашего полу провинциального города, что билеты достать на ту планету совсем даже не составляет проблем, и что там, на той планете, таких бриллиантов, как Виола, Виолетта столько же, сколько не прочитанных книг в библиотеке имени Пушкина, куда случайно загремел мой блудный дружок Альберт и мгновенно стал жертвой хищной, если не сказать больше, красоты Виолетты, – временной сотрудницы Дворца книг, достойно носящий имя великого поэта Руси, которая по причине отсутствия вакансии пака не попала на заветную театральную сцену. Увидев Виолу, Альберт застыл в оцепенении, задумавшись о том,

где же он видел эти большие глаза и брови, раскинутые как крылья ласточки, и когда он пришёл в себя и вспомнил обещание своей матери о беспорочной жизни в трехлетний срок государственного распределения, было уже поздно: она уже успела пригласить его в театр на премьеру, где играют её однокурсники по театральному институту.

На второй же день после визита в театр и знакомства с однокурсницами Виолы, Альберт, как порядочный мужчина, подчинился невероятно жаркому огню, которая исходила от давнишней, уже двухдневной, знакомой и требованиям своего организма, и переспал с Вioлеттой в её же личных квадратных метрах в двухкомнатной квартире родителей, хозяева которых, или из стратегических соображений о возможности в скором времени появления внуков, или из этических мыслей просто не стали мешать молодым приятно провести время, уступили пространство своей квартиры дочери с его очередным, наверное, ухажёром, тем более, что Альберт произвёл оглушительный эффект на мать Виолы, — даму совсем ещё молодую и весьма привлекательную, не смотря на замужество.

Друг мой помнил присягу, принятую на верность заветам и просьбам матери и слегка волновался за последствия столь бурного развития событий, но в то же время успокаивал не сколько меня, сколько себя абстрактными рассуждениями о том, что « всё будет в порядке, ничего серьёзного не происходит », хотя было видно и без микроскопа, что молекулы его

тела изменили свои кристаллические решётки и вполне себе ориентированы своим вектором на одурманивающие гормональные запахи аппетитного тела Виолетты. Виола это чувствовала и даже была уверена, что добыча на крючке и испытывала радость рыболова, поймавшего чуть ли не осетрину в холодной воде «Немана», чем уже успела и похвастаться своим однокурсниками, что выходит замуж за потомственного и чистокровного сибиряка. Насчёт чистоты крови своего сибиряка она, конечно, была не совсем уверена, скорее даже совсем не уверена, но это уже не имело никакого стратегического значения, когда молодой, здоровый и перспективный красавец проливает крупные капли слёз счастья на её пышные и сочные груди, без ума от её больших красивых глаз, бровей, похожих на ласточкины крылья, и залитых горячей кровью алых губ её.

Время шло. Нет, оно не шло, а летело с космической скоростью. И пролетело достаточно много с того трагического и лирического момента, когда Альберт впервые споткнулся о глаза Виолы. — целый месяц. Вместе с временем с той же космической скоростью, и набирая уверенность в верном выборе траектории полёта, летела и Виола. Алик же — всё это время, думал. Думал и мучился, мучился и думал. С одной стороны, Виолетта нравилась ему: она красива, она умна, воспитана, образована и даже хозяйка хоть куда, готовит вкусно и часто балует Алика вкусными кулинарными шедеврами; но, с другой стороны, он обещал матери сохранить ста-

тус холостяка и числиться перспективным женихом до тех пор, пока не вернётся, отбыв срок наказания госраспределением, в родной Челябинск. Тем более, что на носу у него аспирантура, а семья, – это серьёзные путы в ногах студента. Думал Алик и мучился, мучился и думал, но всё чаще и чаще он появлялся на горизонте у возможно будущей тёщи, тем самым всё глубже тонул в сладком омуте любви, и не находил ну хоть малейшую причину, из-за чего можно было бы расстаться со столь сладкой жизнью и любящей его, – в этом он был уверен! – Виолеттой. Но причина всё же появилась. И появилась она совершенно неожиданно и из-за тёмного угла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.